

Ефим Давыдович Зозуля

Граммифон веков

Ефим Давидович Зозуля — незаслуженно позабытый классик отечественной литературы.

Между тем, этот человек работал с самим Аркадием Тимофеевичем Аверченко в «Новом Сатириконе» — именно тот оценил его лаконичную чеховско-юмористическую манеру писать и лично пригласил молодого Зозулю из Одессы работать в Петербурге. Блестящий рассказчик, несомненный талант, Ефим Давидович быстро завоевал сердца читательской аудитории и спустя некоторое время,

вместе с Михаилом Кольцовым воссоздаёт заново журнал «Огонёк». К слову сказать, именно Зозуле принадлежит идея издавать т. н. «Библиотеку «Огонька», ставшей настоящим «местом открытий новых имён в литературе», как писал один из современников.

Жизнь Ефима Давидовича Зозули оборвалась трагически — он скончался от боевых ран в военном госпитале в 1941 году...

1. КУКС НАКОНЕЦ ДОБИЛСЯ ЦЕЛИ

Едва ли возможно обстоятельно описать вид изобретателя Кукса и обстановку его рабочего кабинета, когда в это счастливое для него утро к нему пришел его старый друг Тилибом.

— Что с тобой? — развел руками Тилибом. — Кукс, посмотри на свои вывороченные ноздри, на поседевшую голову, на красные глаза и дрожащие руки! Взгляни на себя в зеркало! Что с тобой?

— Я счастлив, — закрыв глаза, утонул в улыбке Кукс. — В первый раз в жизни счастлив. Правда, я не спал шестнадцать ночей и совершенно обалдел, но все-таки счастлив. Ты говоришь, что у меня вывернутые ноздри, — пожалуй, это возможно, так как восемь ночей подряд я нюхал изобретенный мною состав. Но все-таки сегодня я счастлив.

Желчный Тилибом, лукаво усмехаясь, спросил: — Не закончил ли ты свой замечательный «Граммофон веков»?

— Ты угадал, Тилибом, — мягко и беззлобно, как всегда, ответил на колкость ученый. — Ты угадал, мой друг! Ты, конечно, не поверишь, но сегодня я все-таки победитель. Да, «Граммофон веков» закончен. Совершенно закончен.

Тилибом не только не поверил, он искренно пожалел своего друга. Ему слишком надоела сорокалетняя история этого горемычного изобретения. Сорок лет Кукс работал над утверждением теории, что звуки человеческого голоса и вообще всякие звуки запечатлеваются в виде особых невидимых бугорков на всех неодушевленных предметах, вблизи которых они раздаются. Бугорки эти, по теории Куksа, сохраняются в течение веков, и новые отпечатки звуков ложатся на старые слоями, как наслаиваются пыль, песок и многие вещества в природе.

В доказательство основательности своей теории Кукс обещал изобрести аппарат, который расшифровывал бы наслоения звуков. И этот аппарат — в соединении с усовершенствованным, усложненным граммофоном — должен был восстановить слова давно умерших людей, миллиарды слов ушедших поколений...

Задача, поставленная себе Куксом, была столь грандиозна и дерзка, что два короля (Кукс начал работу за десять лет до полного и всеобщего социалистического перезорота в Европе) давали ему субсидию, а третьим королем, более нетерпеливым, он был посажен в тюрьму и только по настоянию королевы, отличавшейся добротой, переведен в сумасшедший дом.

Кукс все-таки не смущался и, освободившись от субсидий, тюрьмы и сумасшедшего дома, продолжал работать над изобретением и, как сможет убедиться читатель, добился-таки своей цели.

«Граммофон веков» был закончен. Кукс не лгал.

2. ИЗУМИТЕЛЬНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

По старому лицу Кукса, изрытому годами, трудом и муками гения, продолжала блуждать усталая и счастливая улыбка.

Тилибом стоял неподвижно и чувствовал, что его недоверие тает, как мороженое под весенним солнцем.

В усталой улыбке Кукса было то, что убедительнее фактов и, во всяком случае, слов.

— Покажи же мне аппарат, Кукс, — сдался наконец Тилибом.

Но было поздно: Кукс уснул.

Счастливый изобретатель спал тридцать пять часов и проснулся от собственного крика. Ему снилось, что кто-то ломает и топчет его чудесное изобретение.

Он вскочил с глубокого кресла, в котором спал, протер глаза и оглянулся: в кабинете никого не было, и аппарат, на создание которого он потратил почти всю жизнь, стоял с невинным, затаенным и равнодушным видом всякой машины.

Кукс вызвал по телефону Тилибома, и друзья приступили к осмотру и пробе чудесного аппарата.

Кукс необычайно оживился, бегал вокруг «Граммфона веков» и обращался к каждому винтику, как к живому существу.

— Ты успокоился, наконец, — погрозил он пальцем какому-то рычажку, похожему на полуоткрытый рот идиота. — Побежден, брат, а-га! Шестнадцать лет не покорялся, а теперь я тебя завоевал, хе, хе... Теперь тына своем месте... Да, товарищ, терпение и труд все перетрут.

На вид «Граммфон веков» был неприятен: он напоминал гигантского паука, перевитого змеями-трубами.

Из боков его, как мертвые рыбы морды, неподвижно торчали широкие клещевидные рычаги. Всюду жесткой, небритой щетиной волосатилась черная проволока, а у белой

маленькой головки — верхушки машины с одним синим стеклышком-глазом — была пристегнута большая и кривая раковина, похожая на ухо.

— Как тебе нравится? — потирал от удовольствия руки Кукс.

— Ничего, занятная штука, — неопределенно ответил Тилибом.

3. «ГРАММОФОН ВЕКОВ» НА РАБОТЕ

Щупальца, рычаги и трубы аппарата были приспособлены для укладки в ящик-футляр. В ящике «Граммофон веков» имел вид обыкновенного фотографического аппарата и был весьма удобен для переноски.

— Где начнем? — спросил Кукс.

— Где хочешь. Но испробовать надо основательно. Спешить некуда, денег за это не дадут, патент тоже не нужен. Нужно только представить Академии, а для этого не мешает хорошенько испытать его...

Шутки Тилибома не отличались оригинальностью — денег давно уже не было в употреблении, патентов тоже, и даже остроты на эту тему никого не смешили.

— Да и хорошо, что нет денег, — вздохнул Кукс. — Во всяком случае, лучше, чем получать субсидии от королей и богачей, будь они прокляты,

и бывать за это на их празднествах и именинах, толкаться в свите дураков и ничтожеств, поздравлять, улыбаться, унижаться, льстить. Ах, на что ушла моя молодость!.. На какую чепуху!..

— Ну, нечего, нечего, старик! Ближе к делу. Начнем.

— В кабинете я уже все выслушал. Вплоть до того, что говорили каменщики, когда складывали стены на постройке.

— А что они говорили?

— Судя по темам их бесед, дом этот строился лет за десять до торжества социализма. Прежде всего, они, конечно, сквернословили. Затем двое ссорились из-за партийных разногласий. Потом подрались. Две пощечины звонко восприняты и отчетливо повторяются машиной. Затем постройка, очевидно, долго оставалась недостроенной и служила бойницей, баррикадой или чем-то в этом роде. Машина оглушительно стреляет, кричит, стонет и плачет на разные лады. Я думаю, что лет пять постройка пустовала, — вероятно, в период революции, гражданских войн и упадка производства, — потом ее достроили. С песнями достроили, со смехом, с бодрыми звуками охотного, радостного труда... Я слушал звуковую биографию постройки, эту симфонию строящегося дома с огромным интересом... Ну, идем, нам предстоит еще много интересного.